

Даже будучи униженным, Тао Янь всё же натянул на лицо улыбку и произнёс:

— Ничего страшного, Тяньэнь ещё мал и ребячлив, он просто сохраняет детскую чистоту помыслов, это прекрасно... Кхе-кхе-кхе.

Не успев договорить, он снова зашелся в непрекращающемся кашле. Остаться на сегодняшнем пиру было уже невозможно, и Тао Янь был вынужден вернуться в свои покои, приказав позвать императорского лекаря.

А Лю Сиси наблюдала за этим фарсом от начала и до конца. Канцлер Чжао устроил всё это как раз напоказ ей: судя по ее недавнему поведению, Лю Сиси, скорее всего, выдадут замуж за императора и она попадет в гарем. Пусть Дунской и небольшое государство, но оно представляет собой определенную силу. Канцлер Чжао хотел дать Лю Сиси понять, кто именно здесь, в столице, хозяин и кому принадлежат все решения. Разумеется, воспользовавшись отсутствием Ян Хуаня, он решил убить курицу, чтобы попугать обезьян, и несчастный Тао Янь идеально подошел на роль этой зарезанной курицы.

Провожая взглядом изможденную фигуру Тао Яня, Лю Сиси испытывала глубокую боль в сердце. С трудом сдерживая затаенную обиду и ненависть, она продолжила любезничать с женами и родственницами сановников.

Императора не было, регента не было, и праздничный ужин превратился в бенефис Канцлера Чжао, затянувшийся до поздней ночи.

Хотя этот пир и изменил мнение некоторых чиновников о Лю Сиси, из-за дурного впечатления в самом начале им удалось лишь перекинуться с ней парами дежурных фраз — совсем не так, как раньше, когда все гражданские и военные чины Дасина в один голос восхищались Лю Сиси.

Вернувшись в свои покои, Тао Янь при помощи евнуха быстро переоделся и лег в постель.

Прежний Тао Янь пил довольно неплохо, но это тело оказалось совершенно ни к чему не годным. И хотя здесь определенно присутствовала доля актерской игры, в голове и впрямь всё плыло.

Система внезапно подала голос:

— Хозяин, регент идет сюда.

Тао Янь лежал на постели; из-за недавнего помутнения рассудка одежда на нем сидела неаккуратно — один рукав соскользнул наполовину, обнажая хрупкое плечо, а лицо покраснелось.

Наблюдая за тем, как Тао Янь источает безумные волны феромонов, Система испуганно поинтересовалась:

— Хозяин, мне придумать способ увести Главного героя?

Лунный свет за окном пробивался сквозь бумажные рамы и падал на лицо Тао Яня, отчего его и без того неестественно покрасневшие щеки казались пугающе бледными. Уголки его губ слегка приподнялись в улыбке, в которой невозможно было разобрать — то ли горькая насмешка, то ли унылая ирония.

— Пусть входит. Иначе зря я, по-вашему, тут разыгрывал этот спектакль?

Голос Тао Яня прозвучал мягче обычного, и Система тоже невольно смягчила тон.

Она знала, что сейчас лучше не вступать с Тао Янем в разговоры — того и гляди, втянет ненароком.

Вскоре из-за дверей донесся звук шагов: «тук-тук-тук». Очень легких, неторопливых и крайне осторожных. Тень этого человека постепенно приближалась; на его черных одеждах поблескивал золотой узор. Во всем императорском дворце, кроме Тао Яня, одеваться столь роскошно мог только регент.

Янь Хуань медленно приблизился к кровати и мгновенно заметил Тао Яня, свернувшегося калачиком на постели, словно замерзший котенок.

Тао Янь обхватил колени руками, его тело продолжало мелко дрожать, а губы беззвучно шевелились, будто он бредил. Одеяло он не накинул на плечи, а прижал к груди.

Янь Хуань нахмурился и протянул руку, намереваясь укрыть Тао Яня одеялом, но едва его пальцы коснулись ткани и потянули ее на себя, как Тао Янь с неожиданной резкостью шлепнул его по руке.

— Не смей отбирать мои вещи! — нахмурившись, свирепо бросил Тао Янь, но глаза его оставались закрытыми — вылитый спящий ребенок.

Янь Хуань сам не замедлил движение, аккуратно закинул растрепавшиеся на лбу Тао Яня прядки волос назад и нежно проговорил:

— Умница, давай укроемся.

Кто же знал, что стоило Тао Яню выпустить одеяло из рук, как он тут же бросился на Янь Хуаня, крепко обнял его и горько заплакал!

— У-у-у, император-отец, это ты? Янь'эр так устал, Янь'эр так больно! Вдовствующая императрица не обращает на меня внимания, дядя, старший кузен и младший кузен — все обижают Янь'эр, а Императорский Дядя... Императорский Дядя тоже... У-у-у! — заливаясь

слезами и размазывая сопли, Тао Янь походил на обиженного ребенка, который наконец выплеснул всю накопившуюся боль.

Услышав это, Янь Хуань нахмурился. До него доходили обрывочные слухи о событиях сегодняшнего пира, но он никак не ожидал, что канцлер зайдет так далеко в его отсутствие.

Более того, Янь Хуань никак не предполагал, что Вдовствующая императрица способна настолько пренебрегать Тао Янем. Ведь до сего дня единственным достоинством этого никчемного императора в глазах Янь Хуаня была сыновняя почтительность — несмотря ни на какие бури, император ежедневно ходил к Вдовствующей императрице справляться о ее здоровье.

Прождав целую вечность в надежде услышать что-то о себе, он обнаружил, что на этом всё закончилось!

Янь Хуань подумал, что ему просто хотелось узнать истинное мнение племянника, никаких иных задних мыслей у него не было. Он протянул руку, осторожно похлопал Тао Яня по спине и мягко спросил:

— Хороший мой, а что тебе сделал твой Императорский Дядя?

Он ожидал услышать ворох жалоб — например, о том, что у него отобрали власть и престол. Но кто бы мог подумать, что Тао Янь, еще мгновение назад рыдавший у него на груди, вдруг резко приподнялся. Из-за опьянения его затуманенные глаза были наполовину прикрыты, в уголках ресниц еще блестели слезинки, однако в них явственно читался восторженный блеск. С бьющим через край благоговением Тао Янь произнес:

— Императорский Дядя такой сильный, такой удивительный!

Тут его лицо омрачилось, он сник и виновато опустил голову:

— Этот подданный ни на что не годен, я вовсе не создан для роли императора. Если бы не Императорский Дядя, управляющий Поднебесной Дасина, я бы только и делал, что создавал проблемы.

— Этот подданный не хочет быть императором, я хочу быть самым обычным человеком, путешествовать по знаменитым горам и великим рекам, своими глазами увидеть просторы и великолепие нашего Дасина.

Янь Хуань остолбенел от удивления. Он никогда не испытывал к племяннику теплых чувств и даже слегка презирал его, а все свои действия совершал лишь из уважения к памяти Превозшедшего императора (именно поэтому, узнав истинное происхождение Ян Яня, он безжалостно казнил его).

Только вот Янь Хуань никак не ожидал, что в сердце императора его образ настолько велик, а

мелочным и коварным злодеем на его фоне выглядел он сам.

Впрочем, будучи Главным героем, он не отличался простодушием и не стал слепо верить словам Тао Яня. А вдруг это неискреннее пьяное признание, а тщательно разыспектакль?

Янь Хуань как раз собрался получше присмотреться к Тао Яню, как вдруг тот без сил рухнул прямо в его объятия.

Янь Хуань попытался приподнять Тао Яня, но, едва коснувшись его лица, мысленно выругался:

— Почему он такой горячий?

С самого прихода Янь Хуаня лицо Тао Яня казалось неестественно алым, но регент списывал всё на последствия выпитого вина. Кто же знал, что Тао Янь так сильно заболел.

Какие к черту пьяные откровения — да он просто бредил в жесточайшем жару!

Осознав эту «истину», Янь Хуань в одно мгновение отбросил все прежние сомнения и даже нашел оправдания всем тем глупостям, что творил Янь Янь в прошлом, а образ императора в его глазах мгновенно взмыл ввысь.

<http://bllate.org/book/26041/3117974>